

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.61.3>

**РАССКАЗЫ Н. КАНИВЕЦКОГО КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Научная статья

Лебединская В.Г.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-8815-0545;

¹ Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (v.lebedinskaya2012[at]yandex.ru)

Аннотация

Творчество кубанского писателя Н.Н. Канивецкого (1857-1911) долгие годы было почти забыто. Только в конце XX века вышел долгожданный сборник его рассказов. Значительная часть этих рассказов – художественные истории из жизни кубанских казаков, охраняющих границу (кордон). В этой тяжелой, полной часто опасности жизни находится место и юмору. Кубанский юмор в рассказах яркий, сочный, выразительный, иногда граничащий с трагическим в жизни. Н.Н. Канивецкого по праву называют «кубанским Чеховым», но мы бы стиль его изложения сравнили бы и с произведениями Н.В. Гоголя. Реминисценции с Гоголем прослеживаются, когда вникаешь в логику диалогов героев рассказов. Рассказ «Под Рождество» повествует о чудесах, которые в чем-то сродни чудесным событиям повести «Ночь перед Рождеством» Н.В. Гоголя.

Ключевые слова: Н. Канивецкий, кубанские казаки, кубанская балачка, кордон, станичный сход.

**N. KANIVETSKY'S STORIES AS A SOURCE FOR STUDYING THE LIFE OF KUBAN COSSACKS IN THE LATE
XIX – EARLY XX CENTURIES**

Research article

Lebedinskaya V.G.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-8815-0545;

¹ Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

* Corresponding author (v.lebedinskaya2012[at]yandex.ru)

Abstract

The creative work of the Kuban writer N.N. Kanivetsky (1857-1911) was almost forgotten for many years. Only at the end of the XXth century, a long-awaited collection of his stories was published. A significant part of these stories are fiction stories from the life of Kuban Cossacks guarding the border (cordon). In this hard, often dangerous life, there is a place for humour. Kuban humour in the stories is bright, juicy, expressive, sometimes bordering on the tragic in life. N.N. Kanivetsky is rightly called 'Kuban Chekhov', but we would compare his style of presentation with the works of N.V. Gogol. Reminiscences with Gogol can be traced when one delves into the logic of the dialogues of the heroes of the stories. The story 'At Christmas' tells about miracles, which are somewhat akin to the miraculous events of the story 'Christmas Eve' by N.V. Gogol.

Keywords: N. Kanivetsky, Kuban Cossacks, Kuban balachka, cordon, village meeting.

Введение

Николая Канивецкого (1857-1911) давно и заслуженно назвали «казачьим Чеховым» [10]. Его рассказы, небольшие по объему, содержат столько интересных деталей о жизни, воинской службе и быте кубанских казаков, что перед читателем открывается целая палитра, яркая и необычайно выразительная.

О творчестве Николая Николаевича не вспоминали почти век. Известный кубанский историк, писатель, краевед Виталий Бардадым, собиравший по крупицам сведения о писателе, нашел в одном из номеров газеты «Новое время» за 1900 г. небольшую статью о творчестве писателя, автором которой был Вл. Ж. (именно так тогда подписался автор статьи) [1, С. 185]. Он с восхищением писал о коротких рассказах Н.Н. Канивецкого. Именно благодаря В. Бардадыму в 1993 г. вышел сборник рассказов кубанского писателя «На вершок от счастья». В данном издании была небольшая статья В. Бардадыма о жизни и творчестве Николая Николаевича, которую можно обозначить пока как единственную. Далее вспомнили о Н.Н. Канивецком в 2023 г. В Краснодарском театре драмы прошли постановки по некоторым рассказам писателя и ограниченным тиражом вышел еще один сборник его рассказов.

Основные результаты

Структура его произведений всегда имеет зачин, основную часть и концовку. Каждый рассказ – случай из жизни одного или нескольких героев, которая неотделима от жизни станицы или целого казачьего эскадрона.

Юмор всегда шел параллельно с другими сторонами казачьей жизни. У Н. Канивецкого юмор живой, сочный, яркий, не оставляющий равнодушным ни читателя, ни слушателя. Сам А.П. Чехов, как пишут критики, «хохотал», когда ему читали рассказы кубанского писателя, и этот смех был высшей оценкой для кубанского писателя [1, С. 181].

Н. Канивецкий был очень близко знаком с жизнью кубанского края, он активно занимался общественной деятельностью. Он занимал в Екатеринодаре пост члена комиссии по заведованию садом и летним театром, был

членом совета Екатеринодарского общества взаимного кредита, непременным членом Кубанского областного статистического комитета, кандидатом в члены правления Общества любителей изящных искусств.

Несмотря на большую занятость, писатель находил время на творчество. По воспоминаниям современников, Н. Каневецкий имел редкий дар – увиденное и услышанное быстро и талантливо запечатлеть на бумаге. Многие считали, что у него абсолютное чувство юмора [9], [10].

Значительную часть его творчества составляют небольшие рассказы о казаках, их жизни, службе в армии, охране границы и т.д. Уникальность произведений Н. Каневецкого в том, что авторские описания в рассказах написаны на русском литературном языке, а речь казаков построена на балачке. Балачка – это уникальный кубанский говор, диалект русского языка, появившийся в результате речевого взаимодействия многих южных говоров.

Свои произведения Н. Каневецкий обозначал так: из черноморских легенд, невероятное происшествие, из записной книжки, с натуры, былль, в вагоне, случай на море, из воспоминаний, из писем в редакцию [2], [3], [4], [6]. У читателя создается впечатление, что время и пространство в рассказах как будто «всеобщее»: не требуется указаний на год и точное место [7], [8], данные события могли произойти в любое время и в любой казачьей станице.

Образы казаков в его рассказах яркие, выразительные, колоритные, чрезвычайно живые.

Обсуждение

Суровый и строгий казак Петр Батог из рассказа «По станичному приговору» не любит шутить, чаще молчит. С подчиненными казаками скор на расправу: провинившихся бил «тяжелым ударом». Он очень хороший человек со всех сторон: и на войне, и на службе, любит правду и справедливость; любящий муж. Улыбка на его лице появлялась только тогда, когда он получал письмо от жены, которое он каждый день перечитывал: «точно в буквах, выведенных писарской рукой, он видел и жену, и телушку, о появлении которой сообщалось ему, и родной юрт, и ту озимку, что там, на родине, всходит» [5, С. 5]. Такими днями с удовольствием пользовались сослуживцы, подчиненные Петра. Даже в чем-то провинившиеся в эти дни казаки смело проходили мимо строгого вахмистра и других подбадривали: «Дурный, чого ты боишься? Хиба ж не знаешь, Петро от жинки письмо получиш» [5].

Случайно один из обиженных Петром казаков проговорился, что у его жены в станице родился ребенок: «Був Петро сердитый, а тут зовсим став страшный» [5, С. 6]. Станичники переживали о встрече Петра и его жены Оксаны. Однако тот принял родившуюся у жены девочку как родную, не стал ее упрекать, но затаенная обида, конечно, не отпустила казака.

Кульминацией рассказа стал станичный сход. Будучи настоящим казаком, Петр не стал брать на себя греха, а полностью доверился казачьим законам: «Все мы, казаки, уходя на службу, жен и детей оставляем в своей станице. Знаем мы, что станица зорко следит за ними, в обиду их не дает и от многого худого остановит. Да не уберегла она моей семьи... Вот теперь пришло время восстановить мою честь, дать мне покойную жизнь...» [5, С. 11]. Это было требование выгнать согрешившего с его женой казака из станицы. Петр объяснил, что в противном случае он убьет обидчика, а потом в Сибири, куда его сошлют, «стоскуется» по родной казачьей станице. Казачий закон был исполнен: обидчик, который повел себя не по-казачьи, стал изгоем, его выгнали из станицы.

Стиль, которым написан рассказ, отсылает нас то к Гоголю, то к Чехову. По-гоголевски красивы диалоги казаков, выразительны описания картин природы и характеров казаков: «Зачервенела казацкими шапками степь кубанская; перешли область Донскую, началась земля "Отечества". Вытянулся эскадрон по шести в ряд, сотни могучих грудей подхватывают песню о том, как "пиднялася хвиля-буря, комарика с дуба сдула, и шумыть и гудыть, комарь с дуба летить..." Пошли уже "густы лози" и "гребли", и "камышовы хаты"...» [5, С. 8].

Характер казаков умело показан даже в деталях. На станичном сходе, когда Петр изложил перед сочувствующими ему станичниками свое справедливое требование изгнать того, кто поступил не по-казачьи, Н. Каневецкий пишет: «Все стояли, потупившись. Чувствовалось какое-то тяжелое и в то же время торжественное настроение, и не одна казацкая рука старалась поправить усы, чтобы незаметно для соседа смахнуть слезу, а сосед тер глаз, «бо щось попало» [5, С. 11].

Очень выразительны образы казаков в рассказе «На кордоне». Есаул Подкова – «фигура плотная, олицетворяющая само спокойствие», сотник Огорожа – «острый був чоловик, трясыця его матери, язык, як бритва, так за шкуру сала и залива» [4, С.12]. В трудной казачьей жизни, полной тревог и отваги, все равно всегда находится время и место для юмора, веселья. Очень часто герои разыгрывают друг друга, шутят.

Казаки договорились с есаулом Подковой, что напишут его жене письмо с известием о смерти мужа, чтобы узнать ее реакцию на это. Есаул даже прослезился, когда перечитывал это письмо, думая, как расстроится жена. Однако возвратившийся посыльный рассказал, что, узнав о гибели мужа, жена в тот же день все имущество распродала и уехала в город. Шутка оказалась роковой для судьбы Подковы, а в ответ он сказал казакам: «Спасыби вам за вашу ласку. Желаю и вам, як женытесь, щоб у вас булы таки жинкы...» [4, С. 16].

По-гоголевски выразительны диалоги казаков на балачке:

«– Чого скучно?.. Вона за мною скуча, а мини байдуже!

– Хм... – не унимается сотник, – то, може, ще брехня, що скуча, а може зовсим и не спомына Максима Федоровича.

–Як то не спомына? Що це вы мини кажет, хиба ж я своеи жинки не узнаю? Як мини ихать на цей проклятый кордон, то Анна Ивановна цильй день плаче...

– И, Максиму Федоровичу, баби заплакать, як раз плюнуть... Жинка ще плаче по живому, а як бы вы вмерлы (давай вам Бог довгий вик), т Анна Ивановна и не спомянула, який такий був есаул Подкова...

– Хто? Анна Ивановна не спомянула б? Мене, Максима Федоровича, не спомянула?...» [4, С. 12].

Рассказ «Под Рождество» начинается с описания красивой кубанской ночи: «Темная ночь. Заволокло небо тучами, и гонит их холодный ветер. Занесло снегом и вал, и хаты, и конюшни. Далеко в степи светится огонек» [6, С. 17].

Действие развивается стремительно. При воспоминании о вкусной еде дежурившие на кордоне казаки вдруг замечают, что к ним подошли откуда-то взявшиеся здесь два кабана. Очень быстро кабаны были зарезаны, выпотрошены «хлопцями». Никто не успел даже подумать, чьи кабаны и откуда пришли. Утром стало известно, что свиляр полковника Дорош никак не может найти двух сбежавших кабанов. Юмористичность ситуации объяснялась тем, что, по объяснению казаков, это были кабаны какой-то привезенной издалека «загрязнишной» породы, а если бы порода была обычная, то они бы сами пришли в свой свилярник. Также «загрязнишные» свиньи молчат, когда их режут, поэтому никто и не слышал, если их кто-то уже зарезал: «Що нема хуже загрязнишних свиней... Наша свинья никола на нич вид хутора не бигатиме, а загрязнишнии усе байдуже, куда ни тикаты... Тай то ще, Дениско, скажу, як нашу свиню не то що ризатимуть, а тилькы ловыгтмуть, то вона такий гармидер подниме, то на хутори почули б, а загрязнишни мовчать, бисови души, доброму чоловіку и невдогад, де их рижуть...» [6, С. 19]; «Не бийсь, Дорош, – воодушевлял друга чередник Дениско, – так и кажи Гирлыги, що коли б це були наши свини, никола б ты, Дорошо, их не спустыв, бо вони сами у свий свилярник пийшли б...» [6].

Юмор в рассказах о казаках встречается очень часто. Анекдотична сама ситуация в рассказе. Полковник, все-таки подозревая все правильно насчет своих кабанов, приехал на кордон с досмотром. Однако находчивые казаки спрятали свиные туши внизу саней приехавшего полковника, чтобы их не нашли во время обыска. Но старого опытного казака Дороша обмануть все равно не получилось. Туши были обнаружены.

Рассказ «Под Рождество» состоит из семи небольших частей, каждая из которых имеет свой эпиграф на балачке. Эпиграфы отражают жизненный опыт и юмор кубанских казаков: «Ой на рици на й Ордани, – нема хлиба – ходим дали... (из колядок)», «Прийшов коваль, не застав – в макитерку посвистав», «Мовчок – розбив батько горшок, а як маты два, то ниhto не зна», «За те бьемось, за що заведомось», «Хиба насиння – крадиння, набрав тай пийшов», «По привычке – йизде пан в бричке», «Про мене, Семене, а я и сам Иван».

Заклучение

Творчество Н. Канивецкого, самобытного кубанского писателя рубежа XIX-XX вв., раскрывает жизнь, быт, воинскую службу на кордоне казаков. Их образы обрисованы писателем выразительно, ярко. Характеры героев прорисованы даже в деталях. Жизнь казаков на границе трудная, служба их очень опасная, однако писатель тонко подметил и то, что эта жизнь неотделима от юмора, живого и здорового. Еще одна важная особенность казачьей жизни, подмеченная писателем, – казак никогда не ощущает себя в отрыве от родной станицы, от своих станичников. Казак и его станица, его земля, его семья – это крепкий монолит, дающий силы для этой жизни.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бардадым В. Николай Канивецкий. Очерк жизни и творчества / В. Бардадым // Канивецкий Н. На вершок от счастья. — Краснодар: Советская Кубань, 1993. — С.171–191.
2. Канивецкий Н. Контрабандный чай / Н. Канивецкий // На вершок от счастья. — Краснодар: Советская Кубань, 1993. — С. 28–47.
3. Канивецкий Н. Лемишка / Н. Канивецкий // На вершок от счастья. — Краснодар: Советская Кубань, 1993. — С. 81–94.
4. Канивецкий Н. На кордоне / Н. Канивецкий // На вершок от счастья. — Краснодар: Советская Кубань, 1993. — С.11–17.
5. Канивецкий Н. По станичному приговору / Н. Канивецкий // На вершок от счастья. — Краснодар: Советская Кубань, 1993. — С. 5–11.
6. Канивецкий Н. Под Рождество / Н. Канивецкий // На вершок от счастья. — Краснодар: Советская Кубань, 1993. — С. 17–28.
7. Ковалева Т.Н. Типы художественного времени и их роль в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» / Т.Н. Ковалева // Проблемы исторической поэтики. — 2016. — № 14. — С. 361–383.
8. Лебединская В.Г. Тема добра в произведениях современных юных писателей Кубани / В.Г. Лебединская, Н.Г. Лебединская // Семиотика волонтерства как социокультурный феномен. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Кубанский государственный аграрный университет. — 2019. — С. 75–77.
9. Н.Н. Канивецкий — превосходный рассказчик. — URL: <https://www.kubanska.ru/kanivez.htm> (дата обращения: 20.08.2024).
10. Пять историй казачьего Чехова // Петербургский театральный журнал. — URL: <https://ptj.spb.ru/blog/pyat-istorij-kazachego-chexova/?ysclid=m2ohzihpou429842786> (дата обращения: 20.08.2024).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bardadym V. Nikolaj Kaniveckij. Oчерk zhizni i tvorcestva [Nikolai Kanivetsky. Sketch of life and work] / V. Bardadym // Kaniveckij N. Na vershok ot schast'ja [Kanivetsky N. On the top of happiness]. — Krasnodar: Soviet Kuban, 1993. — P.171–191. [in Russian]
2. Kaniveckij N. Kontrabandnyj čaj [Contraband tea] / N. Kaniveckij // Na vershok ot schast'ja [On the top of happiness]. — Krasnodar: Soviet Kuban, 1993. — P. 28–47. [in Russian]
3. Kaniveckij N. Lemishka / N. Kaniveckij // Na vershok ot schast'ja [On the top of happiness]. — Krasnodar: Soviet Kuban, 1993. — P. 81–94. [in Russian]
4. Kaniveckij N. Na kordone [On the cordon] / N. Kaniveckij // Na vershok ot schast'ja [On the top of happiness]. — Krasnodar: Soviet Kuban, 1993. — P.11–17. [in Russian]
5. Kaniveckij N. Po stanichnomu prigovoru [According to the village verdict] / N. Kaniveckij // Na vershok ot schast'ja [On the top of happiness]. — Krasnodar: Soviet Kuban, 1993. — P. 5–11. [in Russian]
6. Kaniveckij N. Pod Rozhdestvo [At Christmas] / N. Kaniveckij // Na vershok ot schast'ja [On the top of happiness]. — Krasnodar: Soviet Kuban, 1993. — P. 17–28. [in Russian]
7. Kovaleva T.N. Tipy hudozhestvennogo vremeni i ih rol' v romane I.A. Bunina «Zhizn' Arsen'eva» [Types of artistic time and their role in I.A. Bunin's novel "Life of Arsenyev"] / T.N. Kovaleva // Problemy istoricheskoy pojetiki [Problems of Historical Poetics]. — 2016. — № 14. — P. 361–383. [in Russian]
8. Lebedinskaja V.G. Tema dobra v proizvedenijah sovremennyh junyh pisatelej Kubani [The theme of goodness in the works of modern young writers of Kuban] / V.G. Lebedinskaja, N.G. Lebedinskaja // Semiotika volonterstva kak sociokul'turnyj fenomen. Materialy mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Semiotics of volunteering as a socio-cultural phenomenon. Materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference]. Kuban State Agrarian University. — 2019. — P. 75–77. [in Russian]
9. N.N. Kaniveckij — prevoshodnyj rasskazchik [N.N. Kanivetsky – an excellent storyteller]. — URL: <https://www.kubanska.ru/kanivez.htm> (accessed: 20.08.2024). [in Russian]
10. P'jat' istorij kazach'ego Chehova [Five stories of Cossack Chekhov] // Peterburgskij teatral'nyj zhurnal [St. Petersburg Theatre Journal]. — URL: <https://ptj.spb.ru/blog/pyat-istorij-kazachego-chexova/?ysclid=m2ohzihpou429842786> (accessed: 20.08.2024). [in Russian]